

ПРОБЛЕМА ЭВФЕМИЗМА НА ФОНЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО ПОЛЯ

В настоящее время является уже общепризнанным утверждение, что лексика данного языка представляет собой не обычную аморфную массу, простую сумму слов, а наоборот, целесообразную и в полной мере функциональную организацию элементов словаря, которые обладают собственной внутренней структурой (микроструктура) и которые на правах организованного и диалектически взаимозависимого динамического целого входят в формальную и семантическую систему данного языка (макроструктура)¹, используемого определенным обществом в определенных социально-исторических условиях.

Проблема языкового поля принадлежит также к числу тех проблем в целом очень слабо разработанный структурной семантики, которым посвящено известное количество ценных и основательных работ², при этом разнородность точек зрения и концеп-

¹ См.: Т. С а z а с u. La «structuration» dynamique des significations. — «Mélanges linguistiques». Bucarest, 1957, стр. 114—127; Т. Ś l a m a - С а z а с u. Limbaj și context. București, 1959, стр. 174; О. D u c h á ě k. Les relations sémantiques des mots. — «Kwartalnik Neofilologiczny» IX, 1. Warszawa, 1962, стр. 33.

² Из важнейшей библиографии следует назвать (по алфавиту): Н. А h r c e n s. Sprachwissenschaft. München, 1955, стр. 423—437; Т. (Ś l a m a -) С а z а с u. Указ. соч.; О. D u c h á ě k. Указ. соч.; О н ж е. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960 (особенно см. Введение); О н ж е. Les champs linguistiques. — «Philologica pragensia» III, 1940; Р. G u i r a u d. La sémantique. Paris, 1959, стр. 68—86; О н ж е. Les champs morpho-sémantiques. — BSL LII, 1956, I, стр. 265—288; L. H j e l m s l e v. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? — «Reports from the 8-th International Congress of Linguists», vol. II. Oslo, 1957; G. I p s e n. Der neue Sprachbegriff. — «Zeitschrift für Deutschkunde», XLVI, 1932, стр. 14; Н. К р о н а с с е r. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952; Ю. К у р и л о в и ч. Заметки о значении слова. — ВЯ, 1955, № 3; М. L e r o y. Les grands courants de la linguistique moderne. Bruxelles—Paris, 1963, стр. 166 сл.; G. M a t o r é. La méthode en lexicologie. Domaine français. Paris, 1953, стр. 63 сл.; S. Ö h m a n. Theories of the «Linguistic Field». — «Word» IX, 2; О н а ж е. Wortinhalt und Weltbild. Studien zu Bedeutungslehre und Wortfeldtheorie. Stockholm, 1951; W. P o r z i g. Das Wunder der Sprache. Bern, 1950, стр. 71—74; А. S c h a f f. Język a poznanie. Warszawa, 1964, стр. 11 сл.; О н ж е. Wstęp do semantyki. Warszawa, 1960, стр. 434—435; Н. S p e r b e r. Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn und Leipzig, 1923, стр. 45 сл.; J. T r i e r. Das sprachliche Feld. — «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und

ций здесь иной раз весьма велика (от младограмматических до структуралистических и психолингвистических, от идеалистических — через социологические — до марксистских).

Ни одно слово не может существовать в языке как изолированное образование ³, без формальной и семантической связи с другими элементами словарного запаса языка ⁴. Напротив, с точки зрения своей внешней формы и внутреннего содержания слово всегда связано — через свое языковое поле — с рядом других слов, подобных ему или же состоящих с ним в какой-либо связи. Таким образом слова образуют системы — формальные или семантические, которые обладают определенной структурой. Нет языка, который бы не имел организованной лексической системы, с другой стороны, «чем более развит язык, тем более дифференцированы и расширены его лексико-семантические системы» ⁵. Говоря иначе, слово можно определить наиболее полным образом лишь путем выявления его структурных ассоциаций с другими лексическими единицами ⁶, а также путем установления его значения не вообще, а на основе контекста употребления ⁷, в связи с конкретной общественно-языковой ситуацией, в которой это слово употребляют, следовательно, на основе его актуализации в процессе речи (сосюрская parole).

Лексическая структура языка не является постоянной и не имеет статического ⁸, неподвижного характера. Напротив, она изменчива, динамична, эволютивна по своему характеру и беспрестанно находится в состоянии становления ⁹. Отсюда некоторые предпочитают говорить скорее о структурировании, чем о структуре ¹⁰. Потому что является фактом, что структура системы лексики и даже объем языкового поля изменяется в зависимости от ситуации

Bildung» X, 1934, стр. 428—449; Он же. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931; S. Ullmann. Orientations nouvelles en sémantique. — «Journal de psychologie» LV, 1958, 3, стр. 338 сл.; Он же. Précis de sémantique française. Berne, 1959, стр. 303 сл.; Он же. The principles of semantics. Glasgow, 1957, стр. 152 сл.; W. von Wartburg. Problèmes et méthode de la linguistique. Paris, 1946, стр. 141 сл.; W. Zwięginsew. Semazjologia. Warszawa, 1962, стр. 366 сл. (перевод с русского).

³ Ср.: Ullmann. Orientations. . . , стр. 354 сл.; G. Matoré. Le vocabulaire et la société sous Louis-Philippe. Genève—Lille, 1951; Он же. La méthode. . . , стр. 63 сл.; P. Guiraud. La sémantique, стр. 68 сл.; O. Ducháček. Les relations. . . , стр. 28.

⁴ Ср.: Ducháček. Les relations. . . , стр. 27.

⁵ Zwięginsew. Указ. соч., стр. 380.

⁶ Ср.: Ullmann. Orientations. . . , стр. 350.

⁷ См.: Cazacu. Limbaj. . . (главы «Tehnica limbajului» и «Contextul»); Guiraud. Sémantique, стр. 68.

⁸ Matoré. Méthode. . . , стр. 65; Hjelmlev. Указ. соч., стр. 270.

⁹ Zwięginsew. Указ. соч., стр. 368; Ducháček. Les relations. . . , стр. 33.

¹⁰ Cazacu. La «structuration». . . , стр. 113; Ducháček. Le champ. . .

точно так же, как и от точки зрения, с которой данный материал рассматривается¹¹. В результате слово может принадлежать одновременно к нескольким системам, будучи связано более или менее постоянно и тесно с данной лексической группой. С другой стороны, отдельные системы заходят одна за другую. Тем самым следовало бы говорить не о лексическом составе системы лексики, а скорее о вхождении слов в систему лексики, понимаемую как изменчивая и эволютивная организация лексики.

Как уже упоминалось выше, организация лексики осуществляется либо на уровне формы, либо на уровне значения. П. Гиро выдвигает для обоих этих планов одно понятие — «*champ morpho-sémantique*»¹², в то время как О. Духачек разделяет языковое поле на «*de mots*» и «*d'idées*», причем первый разряд, занимающийся формой, распадается в свою очередь на «*morphologique*» и «*syntagmatique*», а второй, занимающийся значением, распадается на «*conceptuel*» и «*sémantique*»¹³.

Если речь идет о поле, охватывающем семантическую сторону слова, то чаще всего употребляются термины *champ sémantique* и *champ notionnel*¹⁴, обозначающие одно и то же семантическое поле. Более точное обозначение, предлагаемое Духачеком, не представляется особенной необходимостью. В принципе можно ограничиться морфо-семантическим полем Гиро, усиливая в нем при случае, в практических целях, момент отношения формы и отношения значения, т. е. семантическое поле. Оба эти отношения основываются на ассоциации, указанной Соссюром¹⁵ и обсуждавшейся Ш. Балли, К. Бальдингером, С. Ульманом¹⁶ и др.¹⁷

Понятие лексической структуры и языкового поля очень плодотворно при анализе явления эвфемизма¹⁸. Употребление эвфе-

¹¹ Ср.: Ducháček. *Les relations...*, стр. 28.

¹² Guiraud. *Les champs morpho-sémantiques; La sémantique*, стр. 82—86.

¹³ Ducháček. *Le champ conceptuel...*, стр. 19 сл.; Он же. *Les relations...*, стр. 27—34; ср. также: Casacu. *Limbaş...*, стр. 180; *La «structuration»...*, стр. 123.

¹⁴ Matoré. *La méthode...*, стр. 63 сл.

¹⁵ F. de Saussure. *Cours de linguistique générale*, 2 éd. Paris, 1922, стр. 175.

¹⁶ Ch. Bally. *Linguistique générale et linguistique française*. Paris, 1932, стр. 133 сл.; К. Baldinger. *Die Semasiologie*. Berlin, 1957, стр. 18; Ullmann. *Précis...*, стр. 27—30.

¹⁷ Ср. также Casacu. *La «structuration»...*, стр. 126; Ullmann. *Orientations...*, стр. 347—350.

¹⁸ Более полную библиографию и информации на тему эвфемизма можно найти (привожу в алфавитном порядке): Ch. Bruneau. *Euphémie et euphémisme*. — «Festgabe E. Gamillscheg», 1952; «Cahiers de l'Association de la Société Internationale des Etudes Françaises», Juillet 1953; A. Carnoy. *La science du mot*. Louvain, 1927; J. da Silva Correia. *Eufemismo e disfemismo na lingua e na literatura portuguesa*. — «Arquivo da Universidad de Lisboa» XII, 1927; R. F. Mansur Guérios. *Tabus lingüisti-*

мизма оказывается в тесной связи с отношением данного слова к прочим словам данной лексической системы, а результаты употребления слова-эвфемизма влекут за собой явные изменения в структуре лексики языка. Отсюда три аспекта анализа языкового запрета и сопутствующего ему эвфемизма с этой точки зрения: сферы, функционирование и результаты.

Сферы

Восприятие лексики языка как строго организованной структурной системы и рассмотрение ее как таковой дает возможность, с одной стороны, точно расклассифицировать материал, а с другой — четко дифференцировать отдельные группы слов, иначе говоря, более мелкие лексические системы, путем выделения общих черт¹⁹, составляющих классификационную доминанту. На фоне всей лексической системы языка выделяются определенные совокупности, которые сближают друг с другом моменты формы или значения или же и те и другие одновременно.

При анализе сфер действия языкового табу и эвфемизма следует учитывать оба эти аспекта слова: форму и значение. Тут нужно отметить, что языковому запрету подвергается не понятие, мысль, содержание слова, потому что их нельзя изъять из жизненного обихода, а тем самым и из языковой коммуникации, но единственно некоторые их формы, внешние языковые манифестации²⁰. Отправной же точкой при классификации этих последних может быть только их семантическая ценность, содержание, которое говорящий должен передать собеседнику, осуществляя таким образом основной принцип языковой коммуникации. Иначе говоря, определенные содержания в данных социально-психологических условиях могут быть выражены только с помощью соответствующих в данном случае языковых форм, тогда как другие языковые формы того же самого содержания оказываются — как несоответственные — изъятими из языкового обихода временно или же навсегда.

cos. Rio de Janeiro. 1956; W. H a v e r s. Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946; O. H e y. Euphemismus und Verwandtes. — «Archiv für lateinische Lexicographie» XI. Leipzig, 1900; I. I o r d a n. Lingistica romanică. București, 1962; F. K a i n z. Psychologie der Sprache, Bd. I. Stuttgart, 1954; Ch. A. K a n y. American-Spanish Euphemisms. Berkeley and Los Angeles, 1960; Kr. N y r o p. Grammaire historique de la langue française, t. IV. Copenhague, 1913 (глава «Euphémisme»); U l l m a n n. Précis. . . ; S. W i d ł a k. Tabu i eufemizm w językach nowożytnych. — BPTJ XXII, 1964; ср. также прим. 76.

¹⁹ Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 372.

²⁰ Ср.: C a r n o y. Указ. соч., 338; H. O e r t e l. Euphemismen in der vedischen Prosa und euphemistische Varianten in den Mantras. München, 1942; См. также: R. de la G r a s s e r i e. Essai d'une sémantique intégrale. Paris, 1908, стр. 117; K a i n z. Указ. соч., стр. 231; T. M i l e w s k i. Wstęp do językoznawstwa. Łódź — Kraków, 1959, стр. 11; P o r z i g. Указ. соч., стр. 244; S p e r b e r. Указ. соч., стр. 49.

В некоторых семантических сферах начинает действовать запрет на употребление ряда языковых форм, а вместе с ним и тенденция употребления других форм, соответствующих данному моменту, данной ситуации, что совершается путем стилистического отбора²¹, на базе относительной языковой свободы, которой располагает говорящий²². Тем самым деление манифестаций языкового запрета и эвфемизма по сферам их бытования следует проводить, опираясь на проблему семантического плана, т. е. в связи с семантическим полем слов и семантическими системами, которые они образуют.

Структура семантических систем, точно так же как и принципы их определения, могут быть весьма разнородными²³. Слова образуют различные группы, иногда — самые неожиданные²⁴, основанные на разных критериях. Следовательно, здесь не может быть речи о какой-то одной особенности, общей для всех слов, которая была бы их общим знаменателем, а вместе с тем критерием их систематизации. Слова соединяются в группы, ряды и совокупности — естественные или искусственные²⁵ — на базе семантической общности, которая в каждом отдельном случае может основываться на ином критерии, важнейшем и наиболее характерном для данной группы слов с определенной точки зрения, на основе общественного и языкового опыта²⁶. Эта неодинаковость систем чрезвычайно характерна для организации лексики в данном языке, одновременно она является первой и важнейшей манифестацией динамического и диалектического, эволюционного характера словесной структуры данного языка. Соответственно характеру структуры систем и принципов их организации меняется и их роль в языке.

Семантические системы являются результатом процесса обобщения²⁷, что уже само по себе указывает на тот факт, что данная

²¹ См.: T. Milewski. O zakresie i przedmiocie badań stylistycznych. — JP XXIV, 1939; P. Guiraud. La stylistique. Paris, 1957; S. Ullmann. Psychologie et stylistique. — «Journal de psychologie», XLVI, 1953, стр. 2; Ch. BrunEAU. La stylistique. — «Romance Philology», V, 1951, стр. 1; кстати, о стилистике см. также разностороннюю и содержательную дискуссию советских языковедов на страницах «Вопросов языкознания» в 1954 г.

²² Если говорить о языковой свободе, см.: B. Terracini. Lingua libera e libertà linguistica. — AGI XXXV—XXXVIII; G. Devoto. Nuovi studi di stilistica. Firenze, 1962, стр. 97 сл.; Milewski. O zakresie. . ., стр. 38; BrunEAU. Stylistique, стр. 6.

²³ Ср.: Zwięginsew. Указ. соч., 373; Cazaacu. Limbaj. . ., стр. 181.

²⁴ Ср.: Matoré. La méthode. . ., стр. 65; Cazaacu. La «structuration». . .

²⁵ Ducháček. Les relations. . ., стр. 29.

²⁶ Cazaacu. La «structuration». . ., стр. 123; Ducháček. Les relations. . ., стр. 28 сл.

²⁷ См.: Cazaacu. La «structuration». . ., стр. 119; Zwięginsew. Указ. соч., стр. 372 сл.

система, охватывая определенную группу слов, одновременно выходит за границы отдельных слов. Именно это позволяет говорить о макроструктуре (или макроструктуриации)²⁸ слов, при которой на основе сближений семантического характера объединяются в одну систему разные слова. Каждое слово обладает своей семантической индивидуальностью, своей особой внутренней структурой (микроструктурой), общие характерные черты определенной группы этих индивидуальностей объединяют их в единицу более высокого ряда, более или менее компактную.

Явление языкового запрета и эвфемизма, естественно, не охватывает всех семантических систем, входящих в состав лексической структуры данного языка, но лишь некоторые из них. Наконец, даже внутри данной системы не все слова обязательно охвачены ими. Некоторые семантические системы остаются незатронутыми (например, масса нейтральных слов из ежедневного жизненного обихода: карандаш, радио, улица, стена и т. д.), хотя потенциально и они могут случайно, в индивидуальном употреблении, оказаться в сфере запрета, хотя бы на основе психопатологического предрасположения говорящего лица²⁹. Другие системы охвачены табу совершенно регулярным образом³⁰ (например, ругательства, физиологические отправления и т. п.), третьи вовлекаются в сферу запрета частично и кратковременно³¹, в форме запрета произносить определенные слова в определенной конкретной ситуации (при религиозных церемониях, в обществе женщин, престарелых лиц, больных и т. д.). Табу и эвфемизм могут даже вторгнуться — иногда лишь спорадически — в сферы, в которых мы меньше всего их ожидали, например вследствие чисто формального сходства слова с другим, запрещенным. Так, в каждом языке существуют слова, которые избегают произносить, потому что они содержат «загрязненные» слоги, например, в итальянском прилагательные типа *magnifica* с окончанием *-fica* в некоторых случаях употребляются неохотно, а иногда попросту поражены запретом³². Француз-грёсиец старательно избегал слов с приставкой *con-*, вплоть до изъятия этого элемента, что приводило к созданию смехотворных образований на *-server*, *-fiture*, *-servatoire* и т. п. В современном польском языке все с большим колебанием употребляются формы с окончанием *-chuje* — *wymachuje*, *podśmiechuje* и т. п., что заставляет искать для них замены.

Таким образом, трактовка сфер бытования языкового табу и эвфемизма не может выявить никакой структуры высшего уровня,

²⁸ C a z a c u. La «structuration»...

²⁹ См., например: S. F r e u d. Totem und Tabu. London, 1948.

³⁰ Ср.: F r e u d. Указ. соч., 29; S p e r b e r. Указ. соч., стр. 51; M i l e w s k i. Wstęp... , стр. 58.

³¹ Ср., например: G. B o n f a n t e. Etudes sur le tabou dans les langues indo-européennes. — «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally». Genève, 1939, стр. 198; M i l e w s k i. Wstęp... , стр. 58.

³² A. G i s m o n d i. La radiotelevisione in Italia. Roma, 1958, стр. 132.

но лишь более или менее крупные фрагменты этой последней, пораженные языковым запретом. (Поэтому было бы целесообразнее заменить здесь термин «семантическая система» менее обязывающим термином «семантическая группа».) Не раз также приходится в практических соображениях применять критерии определения систем, несколько отличные от общепринятых и требуемые спецификой проблемы. Например, систематизация слов осуществляется здесь с точки зрения социально-психологических причин запрета и заменительной тенденции в языке, манифестирующихся в некоторых проявлениях жизни отдельных обществ или общественных групп. Именно это весьма характерно для анализа лексической структуры языка³³ и одновременно удобно с методологической точки зрения — это то, что можно менять критерии и в зависимости от этого менять в известном смысле, и по крайней мере частично, также и содержание семантической системы, его специфику.

Таким образом, деление слов, охваченных табу и эвфемизмом, на отдельные семантические группы нельзя провести в одном плане; при делении на системы и семантические поля не удастся придерживаться одного критерия, применять один способ³⁴.

Чаще всего определяется общее значение некоторой группы близких слов³⁵ — значение более высокого уровня, например части тела, физиологические отправления, половая жизнь, формулы вежливости, сверхъестественные существа, болезни, одежда, растения, животные и т. п. Речь здесь идет о соединении слов на базе их семантической общности, при поддержке логического отношения род—вид, путем осуществления «l'intégration dans une notion de 'genre' commune»³⁶. Некоторые группы слов — тождественных или подобных — располагаются вокруг слова-доминанты, образуя строго ограниченные синонимические ряды³⁷, например *смерть*. В некоторых лексических рядах не всегда легко уловить слово-доминанту³⁸. Другие группы слов могут образовывать стереотипную рядовую систему, точно определенную и ограниченную³⁹ (дни недели, месяцы, числительные), при этом дело иногда может дойти до более сложных соединений этих систем ряда (например, названия родства)⁴⁰.

Принципиальное значение при систематизации слов со стороны их содержания имеет жизненный опыт индивидуума и исто-

³³ Z w i e g i n s e w. Указ. соч., стр. 376.

³⁴ Там же, стр. 373.

³⁵ Там же; C a z a c u. Limbaj. . . , стр. 176.

³⁶ C a z a c u. La «structuration». . . , стр. 119.

³⁷ Там же, стр. 117; Z w i e g i n s e w. Указ. соч., стр. 374.

³⁸ Z w i e g i n s e w. Указ. соч., стр. 374.

³⁹ Ср.: C a z a c u. Limbaj. . . , стр. 175.

⁴⁰ Ср.: C a z a c u. La «structuration». . . , стр. 118; D u c h á ě k. Les relations. . . , стр. 29.

рический или актуальный опыт общества ⁴¹. Отсюда, например, такие семантические группы, как война, торговля, внутрисоциальная жизнь, международные отношения и т. д. Перечень критериев и способов объединения слов в семантические группы мог бы быть гораздо длиннее.

Как видим, различия в воззрениях на лексику и ее структуру весьма велики. «*Toutes ces structurations se fondent sur des associations — prises dans une acception non-mécaniste, souples et dynamiques — de différents types*» ⁴².

Важнейшее и принципиальное значение имеет систематизация слов, охваченных языковым запретом, в семантическом плане. Однако здесь нельзя обойтись и без формального плана, иначе — морфологического или синтагматического. В случае морфологического поля имеют место чисто формальные соединения семантически нейтральных слов со словами, которые охвачены по семантическим причинам языковым запретом, о чем уже упоминалось выше. В случае синтагматического поля речь идет о запрете употребления некоторых слов вследствие частого появления последних в соответствующих формальных сочетаниях, в контексте или системе, которые поражены языковым запретом. Так, слово *публичный* вызывает нередко подозрения своей двусмысленностью и избегается, потому что оно ассоциируется с табуизированными выражениями *публичный дом*, *публичная женщина*.

Вспомним, наконец, что систематизация слов на отдельные группы по значениям способствует возможно прозрачной их классификации, а языковому запрету подвергается не их семантическое содержание, но единственно их форма, разумеется, на основании ее значения ⁴³.

Функционирование

Языковой запрет охватывает более или менее систематическим образом некоторые семантические группы слов, изымая из употребления определенные их формы. Этот факт постулирует наличие стилистического выбора и влечет за собой необходимость субституции другой формы на место формы, пораженной запретом. Это происходит в формальном плане, хотя и в тесной связи с семантическим планом лексики. Например, табуизированная форма лат. *mori* заменяется другой — *obire*, *defungi*, однако одновременно здесь осуществляется подстановка смягченного семантического содержания, в общем поверхностная и в некотором роде символическая субституция, так как в сущности во внутреннем содержании коммуниката никакого изменения не наступает.

⁴¹ Ср., например: Ducháček. Les relations. . ., стр. 30.

⁴² Sazacu. La «structuration». . ., стр. 126.

⁴³ Ср. выше.

Функционирование эвфемистических субститутов вместо табуированных слов осуществляется на основе взаимозависимости отдельных элементов и компактной структуры, образуемой ими. Слова не фигурируют как изолированные единицы, а существуют как части все более крупных и сложных лексических систем⁴⁴. Посредством своей внутренней структуры — микроструктуры — отдельные слова объединяются с другими словами во взаимозависимые единицы более высокого уровня. На этом принципе как раз основывается субституция эвфемистической формы вместо табуированной формы.

В сфере лексики эта эвфемистическая субституция очень часто опирается на синонимичку и полисемию слов, которые могут акцентироваться в меньшей или большей степени. Иногда — впрочем, весьма редко — на место табуированной формы подставляется существующий полный ее семантический эквивалент — так называемые *synonymes totaux*, «... dont la similitude est si grande qu'elle permet la substitution presque complète des uns par les autres»⁴⁵. В этом случае перед нами наложение одного слова на его табуированный синоним. Это имеет место, конечно, прежде всего в случае заимствований из других языков (поскольку иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными), не раз выступают, впрочем, здесь также заимствования из специальных языков и «более высоких» сфер языка в отношении к повседневному языку, т. е. административный, юридический, литературный язык. Так, вместо слова *porco* в более утонченном разговоре по-итальянски употребят синоним *suino*, а вместо *merda* — *sterco*. Гораздо чаще эвфемистическим субститутом служит неполный синоним, который хотя и сближен по значению, одновременно четко отличается от табуированного слова. При этом используется тот факт, что, за редкими исключениями, чаще всего данное слово имеет, наряду с семантической доминантой, целый ряд дополнительных семантических компонентов (часто — с аффективной окраской)⁴⁶. Вследствие этого данное слово может принадлежать — и принадлежит — более чем к одной семантической системе⁴⁷, оставаясь «en rapports sémantiques plus ou moins étroits avec un nombre parfois assez élevé de mots»⁴⁸. Говоря иначе, отдельные значения данного слова (которые актуализируются в конкретном случае речевого контекста) объединяются с отдельными значениями других слов в соответствующие семантические системы. Таким образом, семантические поля слов

⁴⁴ Ср.: Guiraud. La sémantique, стр. 85; Cazacu. La «structuration»... , стр. 124.

⁴⁵ Cazacu. La «structuration»... , стр. 117; ср. также «Limhaj»... , стр. 175.

⁴⁶ Ср., например: Ducháček. Les relations... , стр. 31 сл.; Cazacu. Limhaj... , стр. 174; La «structuration»... , стр. 113.

⁴⁷ Ср.: Cazacu. Limhaj... , стр. 181.

⁴⁸ Ducháček. Les relations... , стр. 32 сл.

заходят одно за другое и взаимно перекрещиваются. Это имеет важное значение в эвфемистической субституции. На место слова-табу подставляется другое слово, которое одним из своих семантических элементов (подчас — второ- и третьеразрядных) объединяется со значением табуизированного слова, входя с ним в определенную семантическую систему. Так, эвфемистическое слово оказывается связанным через одно из своих значений и актуализированным в конкретном общественно-языковом употреблении, причем остальные его значения и дальше остаются нейтральными и несвязанными по отношению к слову-табу. Например, слово *dziewka* имело в старопольском языке положительное значение 'девушка'. Эвфемистическое употребление этого слова в значении 'публичная девка, шлюха' первоначально не влияло на его общее семантическое содержание, подобно тому как современное польск. *panienka*, хотя и употребляется в уничижительном табуистическом значении, сохраняет также еще свое положительное значение и в этом последнем повсеместно употребляется в современном польском языке. При этом стоит отметить, что сплошь и рядом именно в этом состоит эвфемистическая ценность субститута; этот последний образует своего рода противовес по отношению к табуизированному слову. Противовес, по крайней мере, формальный и как бы символический благодаря тому факту, что это слово имеет большее число значений, не имеющих ничего общего со значением слова-табу, тем более что среди этих значений находится также и значение-доминанта, чуждое или почти чуждое семантически слову-табу. Польское слово *piełęgniarz* имеет много значений разных оттенков. Основным его значением-доминантой в современном языке является 'работник санитарной службы с определенной квалификацией и функциями'. А его эвфемистическое значение 'живодер' четко отделяется от остальных значений, в том числе и от этимологического значения этого слова.

Вследствие этого говорящий располагает своего рода формальной защитой, что является очень важным фактором с точки зрения антагонистического характера процесса общения⁴⁹ и если принять во внимание общественную цензуру⁵⁰, представленную языковым окружением. Говорящий, употребляя эвфемистический субститут, который имеет одновременно ряд нейтральных системных семантических связей, совершенно не относящихся к табуизированному слову, как бы отвлекает внимание собеседника от запретного понятия, подразумевая, по крайней мере фор-

⁴⁹ См., например: J. M a r o u z e a u. *Aspects du français*. Paris, 1947, стр. 10; О н ж е. *Précis de stylistique française*. Paris, 1946, стр. 199; О н ж е. *Le rôle de l'interlocuteur dans l'expression de la pensée*. — «*Journal de psychologie*» XX, 1923; G. D e v o t o. Указ. соч., стр. 98; T e r r a c i n i. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁰ Ср.: S p e r b e r. Указ. соч., стр. 49 сл.; A. S c h i a f f i n i. *Problemi di lessico italiano*. Roma, 1952, стр. 61; K a i n z. Указ. соч., стр. 226.

мально, другие содержания. При соответственном употреблении эвфемизма, в конкретной общественно-языковой ситуации, партнер, конечно, не встречает затруднений при идентификации актуализированного в речи семантического содержания данного слова, что одновременно представляет второй род манифестации в общественном процессе языкового общения, находящийся в оппозиции к антагонистическому моменту, — момент молчаливого соглашения между говорящим и его партнером⁵¹, при котором между ними устанавливается своего рода мост недомолвок — и взаимопонимания; один из говорящих идет навстречу намекам другого, подхватывая их и дополняя, что, несомненно, является, в случае употребления эвфемизма, проявлением характерного дозволимого коллективного лицемерия⁵².

Слова данной лексической системы могут располагаться, помимо синонимической плоскости, опирающейся на полисемическую природу слов, равным образом и на плоскости семантической противопоставленности⁵³, что приводит к возникновению антонимических семантических совокупностей, причем, как и при синонимах, здесь могут выступать как полные, так и частичные антонимы. Так начинают употребляться эвфемистические субституты, которые являются более или менее четким противопоставлением табуизированному слову, причем, согласно принципу процесса языкового общения, конкретная ситуация, контекст указывают на истинное семантическое значение субститута в данном случае. Таким образом достигаются стилистические эффекты, начиная с частичного антонима (литотес) и кончая полным антонимом (антифраз). Ср., например, употребленные вместо слова *ложь* литотическое *неправда* и антифрастическое *правда* (произнесенное соответственным тоном, с соответственным жестом и в соответственном контексте); или же вместо слова *трудный* — литотическое *довольно трудный* и антифрастическое *легкий*. Особым случаем антифрастического употребления эвфемистического слова, основывающегося на антонимичной группе, является ассоциация, состоящая в привлечении второго, противопоставленного члена дихотомической структуры⁵⁴, например *толстый—худой, проклятый—благословенный*.

При эвфемистической субституции можно также использовать случай, когда определенное количество слов образует четко ограниченную, стереотипную протяженность, установленную на основе

⁵¹ Ср.: Ch. Bally. Langage naturel et langage artificiel. — «Journal de psychologie» XVIII, стр. 627 сл.; S p e r b e r. Указ. соч., стр. 50; M. Cres-sot. Le style et ses techniques. Paris, 1947, стр. 44; T e r r a c i n i. Указ. соч., стр. 121 сл.

⁵² Ср.: Ch. Bally. Traité de stylistique française, vol. I. Heidelberg—Paris, 1934, стр. 297—298; W i d ł a k. Указ. соч., стр. 93, 96.

⁵³ Ср.: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 118; Limbaj. . ., стр. 175; D u c h á ě k. Les relations. . ., стр. 27.

⁵⁴ Ср.: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 118; Limbaj. . ., стр. 176.

механической сопредельности⁵⁵. Когда один из членов этой непрерывности подвергается табуизации, говорящий ищет иногда субститут в том же самом ряду, подстанавливая соседнее слово. Так, одна жительница Флоренции, из народа, употребила вполне сознательно слово *aprile* вместо названия опасного месяца *marzo*.

Как видим, эвфемистическая субституция, выступающая в семантическом плане, опирается на четко организованную структуру лексики данного языка и только благодаря ней эта субституция возможна и понятна. Взаимозависимость отдельных составных элементов лексической системы, их взаимопроникновение — основное условие целесообразного и эффективного употребления субститута взамен слова-табу. Благодаря этой организации коммуникативная сторона языка — принципиально важная в общественном процессе языкового общения — ничего не теряет.

Эвфемистическое метафорическое употребление слов входит в значительной мере в круг причинно-следственных структурных связей лексики, так что слова могут соединяться в семантические системы, а их поля тоже могут объединяться на основе общих особенностей (*tertium comparationis*), пропорций или хотя бы социального фона в наиболее общем понимании⁵⁶, общей конституции на базе реального опыта говорящих на данном языке в социально-психологическом плане. Так, французский солдат на фронте вместо *mitraillette* 'автомат' охотно скажет *moulin à café* 'кофейная мельница'; в разговорном итальянском языке содержательница публичного дома часто называется *madre badessa* 'мать настоятельница', а проститутки — *monache* 'монахини', сам же публичный дом носит название *badia* 'монастырь' на основании некоторых внешних аналогий с монастырем. Однако в некоторых случаях метафорическое употребление слова очень слабо мотивируется строением лексической системы; тогда единственно конституация (общественная и языковая) дает возможность уловить точное значение слова в данном случае. Например, в польском разговорном восклицании *coś ty Felek!* распознается эвфемистическая метафора (метафорическое употребление собственного имени), которую, однако, трудно уловить; здесь можно было бы говорить об экспрессивности самого имени на первом месте, а о метафорическом значении — на втором (с точки зрения описания).

Изложенные выше соображения относительно функционирования лексической системы в области эвфемизма касались семантического плана, что и является наиболее частым фактом. Однако иногда оказывается вовлеченной сюда и формальная сторона. Как уже упоминалось выше, табуизации подвергается не само содержание слова, — поскольку последнее невозможно изъять из жизни, а следовательно и из языка, — но конкретная языковая форма этого содержания, определенное слово.

⁵⁵ Ср.: Casacu. — Там же.

⁵⁶ Ср., например: Guiraud. La sémantique, стр. 81.

Как мы знаем, слова могут организовываться и в формальном плане в лексические системы, основанные на чисто формальной, внешней ассоциации⁵⁷. В таком случае мы имеем дело с группами подобных или тождественных в отношении формы слов, т. е. с полными омонимами или омонимами частичными, принадлежащими к разным семантическим системам. А так как омонимы табуизированного слова напоминают более или менее выразительно само запрещенное слово, нередко как в первобытных обществах, так и в цивилизованных обществах (хотя вследствие отличных внеязыковых причин) дело доходит до изъятия из употребления наряду со словом-табу также и его омонима. При этом может случиться, что омонимы подвергнутся семантическому влиянию слова-табу⁵⁸.

Иногда языковой запрет употребления слова является в том случае, когда это слово включает в себя в качестве составной части табуизированное слово (или его часть). Этому не препятствует тот факт, что это слово принадлежит к совершенно другой семантической системе и что его составной элемент, напоминающий табуизированное слово, сплошь и рядом не связан с последним этимологически. Сама форма играет решающую роль при ограничении или изъятии из употребления, а возможно, также при изменении формы слова. Это имеет место почти всегда в языках первобытных обществ, но бывает также нередко и в цивилизованных обществах. Так, например, древние римляне сочли неблагоприятной форму названия *Maleuentum* из-за ее первого компонента *male-*, который они ошибочно ассоциировали с прилагательным *malus*, *-a*, *-um* 'дурной, плохой'. С целью избежать произношения этой формы, предвещающей несчастье, вместо нее образовали *Beneuentum* 'Беневент'. Точно так же лат. *malacia* (из греч. *μαλαχία*), не имеющая ничего общего с лат. *malus*, была заменена более безобидной и многообещающей формой *bonacia*, откуда франц. *bonasse*, ит. *bonaccia*. Иногда при этом дело доходит до эвфемистической элизии слова или слога-табу, чем достигается видимость несвязанности данного слова с определенной формальной системой, причем оно, конечно, неизменно остается в той же самой семантической системе⁵⁹.

Особым проявлением действия эвфемистической тенденции в формальном плане может служить случай скрещения, или контаминации. Здесь имеют место два случая. 1. Чисто формальная (внешняя) контаминация. Слово-табу заменяется другим словом (или выражением), напоминающим его (часто — одним элементом, например слогом) единственно и исключительно по линии формы. Так, в польском языке *Portugalia* эвфемистически ассоциируется со словом *portki* 'штаны, портки' (*dać komuś w Portugalię* 'дать пинок в зад'), франц. *cornu* 'рогатый' завуалировано под *Cornouail-*

⁵⁷ Ср., например: С а з а с у. *Limba*. . . , стр. 173.

⁵⁸ См.: G u i g a u d. *La sémantique*, стр. 85. †

⁵⁹ Ср. упоминавшиеся выше примеры из французского с приставкой *con-*.

les 'Корнуолл', географическое название, ит. *cornuto* 'рогатый' — под *Cornelio*, *impiccare* 'повесить' маскируется под названием *Piccardia* (*andare in Piccardia* 'отправиться на виселицу', букв. 'отправиться в Пикардию'), а ит. *levare* (арготическое *rubare* 'красть') — под названием *Levante* (*andare in Levante*). Семантическое поле подставленного слова при этом ничем не связано, одна лишь его форма напоминает — исключительно внешне — запрещенное слово. На основе социальной и языковой ситуации известно от начала и до конца значение, семантическое содержание каждого данного случая. Часто дело здесь доходит до игры слов и модных, особенно в определенные периоды времени и в определенных кругах, каламбуров⁶⁰ вроде ит. *fo tardi*, *fo tutt'un monte*, *fornaio* вместо *fottuto* (в ругательствах). 2. Формальный фактор, однако, редко выступает сам по себе. Равным образом при эвфемистической контаминации часто наряду с формой оказывается и значение. В этом случае сохраняется часть слова-табу, к которому — в начале или в конце — добавляется часть другого слова, выбор которого нередко решает (но не всегда) его семантическое содержание. Таким путем мы получаем такие эвфемистические языковые образования, как, например, ит. *diamine*=*diavolo*+*domine*, *accipicchia*=*accidenti*+*picchiare*, *peciotto*=*peccia* (*pancia*)+*cazzotto*. Это явление чрезвычайно часто находит применение при всякого рода народных этимологиях⁶¹. В этом случае контаминации эвфемизм заключается в поверхностном и мнимом зачислении новообразования в другую семантическую группу вместо той, к которой фактически принадлежит табуизированное слово. Это зачисление носит почти исключительно символический и в принципе формальный характер, потому что ведь в действительности речь по-прежнему идет о точно определенном семантическом содержании (которое надлежит передать), о котором здесь напоминает не только социально-языковая ситуация, но также и составная часть слова-новообразования, происходящая от слова-табу. Точно так же всякого рода эвфемистические фонетические деформации слова находят свой смысл на основе организации лексической системы. Путем деформации создается формальная видимость непринадлежности данного слова к той же системе, к которой принадлежит табуизированное слово, с одной стороны, а с другой стороны — видимость его принадлежности к иной системе, чем слово-табу. Так обстоит дело, например, в случае с ит. *madosca* вместо *Madonna* в ругательстве *porca Madonna!*; аналогично франц. *sacrebleu* вм. *Sacré Dieu!* или польск. *do diaska!* вм. *do diabla!*

Наконец, может иметь место подстановка взамен табуизированного слова другого слова, не имеющего абсолютно никаких

⁶⁰ См., например: U l l m a n n. Précis. . . , стр. 233 сл.

⁶¹ См.: С а з а с у. La «structuration». . . , стр. 116.

формальных и семантических языковых связей со словом-табу, а также никаких внеязыковых, общественных связей. Здесь имеется в виду подстановка какого-либо другого слова, взятого из совершенно чужой лексической системы, что по меньшей мере на первой стадии является индивидуальным и единичным употреблением⁶². В этом случае одна лишь конситуация может указать на слово, которое было изъято из обращения. Так бывает, когда кто-нибудь закричит по-польски вместо *Rany boskie!* 'страсти господни!' — *Rany Julek!* или же когда, сохраняя первый слог, задающий тон, подстанавливают слово *lipa* (отчасти действующее комически вследствие своего негативного употребления) в восклицании *cho-lipa!* вместо *cholera!* Это случай спорадический и не связанный, по крайней мере в своей начальной стадии развития, с диалектическим функционированием лексической системы.

Велико число эвфемистических возможностей, которые происходят от того фактического положения, что лексика данного языка организована в соответственную, компактную систему с точно определенной структурой, функционирующей на основе своих внутренних диалектических законов, и здесь было бы неуместно пытаться увеличить число примеров. Здесь скорее преследовалась цель выборочной иллюстрации некоторых эвфемистических явлений, мотивированных точно определенным функционированием языковой системы.

Результаты

Лексическая система языка хотя и может в течение определенного времени сохранять относительную стабильность⁶³, не является неподвижной и долговечной, но представляет собой живой организм, находящийся беспрестанно в становлении⁶⁴ как динамическое целое, непрерывно развивающееся и подверженное изменениям⁶⁵. Потому что лексическая система — это та часть языка, которая «быстрее всего реагирует на изменения в жизни общества и отличается большой динамикой»⁶⁶. Структуриации слов должны быть охарактеризованы как «très mobiles, variables, en fonction de l'époque historique et, y compris, du milieu particulier, de l'expérience personnelle, du tempérament, etc.»⁶⁷ Эти внеязыковые факты тесно связаны — как причины — с общественной реализацией элементов языковой структуры в речи посредством актуали-

⁶² Ср., например: S a z a s u. La «structuration». . . , стр. 123.

⁶³ Z w i e g i n s e w. Указ. соч., стр. 388.

⁶⁴ Там же, стр. 368; ср. также: D u c h á ě e k. Les relations. . . , стр. 33.

⁶⁵ D u c h á ě e k. Le champ conceptuel. . . , стр. 22; H j e l m s l e v. Указ. соч., стр. 269 сл.; M a t o r é. La méthode. . . , стр. 65.

⁶⁶ Z w i e g i n s e w. Указ. соч., стр. 379.

⁶⁷ S a z a s u. La «structuration». . . , стр. 125; ср. также: D u c h á ě e k. Les relations. . . , стр. 33.

зации данного языкового элемента (на основе стилистического выбора из числа других элементов), его организации в контексте и функциональной конкретизации⁶⁸.

С другой стороны, мы знаем, что слова в данной лексической системе тесно связаны друг с другом, заходят одно за другое, перекрещиваются и взаимно (хотя относительно, а не абсолютно⁶⁹) обуславливают друг друга⁷⁰. Одно слово может объединяться посредством своих разных формальных и семантических особенностей со многими другими словами, принадлежащими к особым системам, причем границы между отдельными системами, как и между отдельными языковыми полями, наконец, границы функциональности данного слова точно не определены и не установлены даже для точно определенной эпохи или социальной среды⁷¹, и они зависят от разнородных психологических и социальных факторов — таких, как окружение, ситуация, позиция говорящего и его природа, его отношение и, наконец, ассоциации, вытекающие из личного жизненного опыта, причем они могут быть относительно стойкими, а нередко и окказиональными и спорадическими⁷².

При обсуждении функционирования системы мы также видели, что в процессе конкретного языкового акта одни слова становятся на место других, заменяя их, что осуществляется посредством стилистического выбора возможностей, которыми располагает данная языковая система. Здесь можно было бы еще сказать о своего рода соперничестве и конкуренции, существующей между словами⁷³, которая осуществляется в плане структурных связей между отдельными словами и отдельными лексическими системами. В итоге одни слова или некоторые их семантические особенности перестают употребляться, а на их место приходят новые⁷⁴. На этом основано развитие лексической системы, протекающее постоянно при поддержке повседневной актуализации ее элементов. Следует при этом еще отметить, что каждое изменение в микроструктуре вызывает колебания в макроструктуре, которые обязательно ликвидируются путем восстановления равновесия в строении и функционировании системы⁷⁵.

⁶⁸ Ср.: Ducháček. Les relations. . . , стр. 32; C a z a c u. La «structuration». . . , стр. 114, 126; Limbaj. . . , стр. 242 сл.

⁶⁹ Э. О. Rieznikow. Pojęcie i słowo. Warszawa, 1960, стр. 122.

⁷⁰ Matoré. La méthode. . . , стр. 65.

⁷¹ Ср.: Ducháček. Le champ conceptuel. . . , стр. 22.

⁷² Ср.: Ducháček. Les relations. . . , стр. 33.

⁷³ Ср.: Ducháček. Le champ conceptuel. . . , стр. 22 сл.

⁷⁴ Ср.: Ducháček. Les relations. . . , стр. 33; Он же. Le champ conceptuel. . . , стр. 23; а также (для получения общих сведений) см.: Guiraud. La sémantique; A. Darmesteter. La vie des mots. Paris, 1950; M. Schönc. Vie et mort des mots. Paris, 1947; S. Ullmann. Historical semantics and the structure of the vocabulary. — «Estructuralismo e historia». Canarias, 1957, стр. 292; см. также прим. 76.

⁷⁵ C a z a c u. La «structuration». . . , стр. 125.

Одной из главных причин изменений и инноваций, происходящих в структуре языка, особенно в лексике, является языковой запрет и в качестве реакции на него — эвфемизм⁷⁶. Языковой запрет исключает из употребления определенную форму, на место которой приходит другая, дозволимая, являющаяся часто, по крайней мере в начальной стадии, проявлением индивидуального употребления данного средства, но переходящая затем в число языковых манифестаций, общих определенной социальной группе. На основании частоты употребления данного субститута в определенной функции и определенном общественно-языковом контексте это его семантическое содержание всецело входит в границы семантического поля табуизированного слова и принадлежит вместе с ним и другими словами к определенной семантической системе. Эвфемистический субститут сохраняет свое эвфемистическое значение до тех пор, пока наряду с затронутым значением четко удерживаются в особых семантических системах и в отличных функциях прочие его значения, в том числе и значение-доминанта. Нередко, однако, случается, что дополнительное значение, функционирующее как эвфемизм, благодаря частоте употребления, а также вследствие влияния значения табуизированного слова (в этом случае исключительно сильно действуют психологически-социологические причины, ср. традиционное понятие «заражения» табуизированным понятием эвфемистического субститута посредством контакта этого последнего со словом-табу) приобретает все большую силу и начинает играть в микроструктуре слова все

⁷⁶ Кроме перечисленных выше библиографических сведений, эвфемизмом как причиной семантических изменений занимаются следующие авторы: М. B r é a l. *Essai de sémantique*. Paris, 1921, chap. IX; L. B l o o m f i e l d. *Language*. New York, 1950; E. B e n v e n i s t e. *Euphémismes anciens et modernes*. — «Havers Festschrift». Wien, 1946; M. C o h e n. *Le langage*. Paris, 1950; M. C o r t e l a z z o. *Valore attuale del tabu linguistico magico*. — «Rivista di etnografia» VII, 1953; F. C r n e k. *Ze studiów nad eufemizmem w językach słowiańskich*. — «Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie», 1928; A. D a u z a t. *Histoire de la langue française*. Paris, 1930, стр. 264—269; Nora Galli de P a r a t e s i. *Semantica dell'eufemismo. L'eufemismo e la repressione verbale con esempi tratti dell'italiano contemporaneo*. Torino, 1964; R. de la G r a s s e r i e. *Particularités linguistiques des noms subjectifs*. Paris, 1906; E. G a m i l l s c h e g. *Französische Bedeutungslehre*. Tübingen, 1951, стр. 125—133; J. M a r o u z e a u. *Un trait de parler rustique: atténuation*. — BSL XXIII, 1922; B. M i g l i o r i n i. *Conversazioni sulla lingua*. Firenze, 1956, стр. 65—69; О н ж е. *Dal nome proprio al nome comune*. Genève, 1927; A. M e i l l e t. *Comment les mots changent de sens; Quelques hypothèses sur des interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes*. — «Linguistique historique et linguistique générale». Paris, 1921; N y r o p - V o g t. *Das Leben der Wörter*. Leipzig, 1903; A. R o s e t t i. *Le mot*. Copenhagen—București, 1947; L. R o u d e t. *Sur la classification psychologique des changements sémantiques*. — «Journal de psychologie» XVIII; K. S v o b o d a. *Sur la classification des changements sémantiques*. — «Français moderne» 1960, № 4; E. S t r u c k. *Bedeutungslehre*. Leipzig—Berlin, 1940, стр. 131—138; L. S p i t z e r. *Essays in historical semantics*. New York, 1948; J. V e n d r y e s. *Le langage*. Paris, 1950.

большую роль. Позиция и значение доминанты ослабляются по мере того, как приобретает преимущество аффективное значение слова ⁷⁷. Иногда дополнительное значение, эвфемизм становится прямо семантической доминантой, вызывая таким образом решающее изменение семантической тенденции слова, а следовательно, и его общего семантического содержания и макроструктуры ⁷⁸. В результате этого эвфемистический характер этого слова перестает существовать; само слово целиком или частично (но с доминантой) переходит в общую с табуизированным словом лексическую систему и само становится запрещенным словом. Так произошло со словом *διάβολος*, эвфемизмом в древнегреческом языке. Аналогично обстоит дело со словами франц. *fille*, *garce*, нем. *Hure*, польск. *dziewka* и т. д. Вследствие этого изменения в структуре лексики наступают дальнейшие изменения: в результате перехода слова — прежнего эвфемизма в другую систему в семантической структуре образуется пробел, который должен быть заполнен, чаще всего — одним из синонимов, с другой стороны, появляется необходимость в новом эвфемистическом субституте, причем очень часто эту роль исполняет слово, занимающее место прежнего субститута в системе. Так, франц. *garce*, старый эвфемизм, превратился в слово-табу, замещаемое близким по значению в системе эвфемизмом *fille*, который теперь уже в свою очередь перестал быть эвфемизмом и сам приобрел полное табуизируемое значение, требуя дальнейшей субституции.

Конечно, не всегда дело доходит до столь коренного изменения. Временами эвфемистическое значение перестает быть функциональным и как таковое выходит из употребления, не вызывая при этом крупных осложнений в отношении к слову-субституту и к системе, к которой оно принадлежит.

Приходится, наконец, отметить, что равным образом в формальном плане результаты эвфемизма решают иногда вопрос изменений в языковой системе. Например, вследствие деформации или модификации данное слово может выпасть из прежней формальной системы и перейти в другую, что происходит, в частности, тогда, когда конситуация не затрудняет этого перехода. Однако эта сторона влияния эвфемизма на развитие языковой структуры не типична и представляет редкость. Так, например, итальянская фамилия *Cazzato* по причине наличия «неприличного» корня, объединяющего ее с вульгарным словом *cazzo*, была деформирована в *Cassato*, благодаря чему — в формальном плане — она перешла в лексическую группу *cassa*, *cassare* и т. д. Аналогично с.-хорв. *враг*, эвфемистическая деформация старого эвфемизма *враг* (вместо 'дьявол'), выпадает в результате из группы, формально объединенной вокруг основы *враг*.

⁷⁷ Ср.: D u c h á ě k. Les relations. . . , стр. 31.

⁷⁸ Ср. там же, стр. 32.

Принципиальное значение имеет здесь влияние эвфемизма на изменения в семантической структуриации лексики. Стилистический выбор ⁷⁹ лексических средств в эвфемистических целях, актуализация этих средств на основе диалектического функционирования семантической системы в синхроническом плане приводят в результате к изменениям этой же семантической системы и к ее постоянному и непрерывному развитию в диахроническом плане.

Если мы выйдем за пределы этой сферы чисто лингвистических исследований, то мы можем — на их основе — делать выводы философско-социального характера. На базе исследований словаря данного языка, на основе наблюдений над его развитием можно перейти к исследованиям общества, пользующегося этим языком ⁸⁰, можно делать выводы об истории этого самого общества и истории его материальной культуры. При этом жизнь этого общества представляет собой материальный, экономический, технический, политический субстрат лексики ⁸¹, причину развития последней и базу, на которой это развитие осуществляется.

Перевод с польского *О. Н. Трубачева*

⁷⁹ Ср. прим. 21, а также бесценную книгу: H. Hatzfeld et Y. Le Hiré. Essai de bibliographie critique de stylistique française et romane (1955—1960). Paris, 1961.

⁸⁰ Ср.: Matoré. La méthode. . ., стр. 50.

⁸¹ Ср.: Matoré. La méthode. . .; Он же. Le vocabulaire. . .; Guiraud. La sémantique. . ., стр. 75.